

АФАНАСЬЕВ В. П. — в ПОМПОЛИТ

АФАНАСЬЕВ Владимир Павлович, родился в 1871 в селе Ловша Полоцкого уезда Витебской губ. (сын вахмистра). В 1892 — окончил Витебскую духовную семинарию, в 1896 — Санкт-Петербургскую духовную академию, кандидат богословия. Служил в хозяйственном управлении при Св. Синоде. 15 августа 1900 — рукоположен во священника к церкви св. Марии Магдалины в Павловске. С 12 сентября 1903 — настоятель церкви Воскресения Слоущего при Константиновском артиллерийском училище; с мая 1914 — в сане протоиерея. В 1918-1919 — работал делопроизводителем учебной канцелярии и преподавал русский язык на 2-х артиллерийских курсах, и в 1-й артиллерийской школе; затем уволился по состоянию здоровья. с 1919 — служил в Казанском соборе. 5 сентября 1922 — арестован, 15 сентября приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Оренбургскую губ. 26 сентября 1924 — досрочно освобожден, вернулся в Ленинград¹. С декабря 1927 по декабрь 1927 — служил в кафедральном соборе Воскресения Христова. В 1930 — арестован по групповому делу, приговорен к 3 годам ссылки² и отправлен в Яренск Северного края, работал в земельном отделе при леспромхозе. В 1933 — освобожден и, благодаря помощи Помполита, в феврале 1934 — смог официально вернуться в Ленинград, получив паспорт с ленинградской пропиской. 4 марта 1936 — вызван в милицию, где сообщено о аннулировании ленинградской прописки как не имеющему избирательных прав. Выехал в поселок Оредеж Витебской железной дороги. В январе 1937 — обратился за помощью в Помполит.

<12 января 1937>

«В Комитет помощи политзаключенным
имени Е. П. Пешковой
(Москва, Кузнецкий мост, д<ом> 24, к<квартира> 7).

Гражд<анина> Владимира Павловича
Афанасьева, б<ывшего> священника
Константиновского артил<лерийского>
училища в г<ороде> Ленинграде

Заявление

В 1933 г<оду> Комитет им<ени> Е. П. Пешковой оказал мне величайшее благодеяние: избавил от скитания на старости лет по чужим местам и людям. Это произошло таким образом. В 1930 году я был судим по ст<атье> 58-11 У<головного> К<одекса> и приговорен к высылке на три года в с<ело> Яренск Северного Края на свободное проживание. По отбытии наказания я был направлен Яренским ОГПУ на место своего прежнего жительства, т<о> е<сть> в Ленинград. Но к моей здесь прописке со стороны 6-го отделения милиции встретилось ранее не существовав-шее препятствие — бывшая в 1930 году судимость по ст<атье> 58-11. Тогда, по совету известного Комитету его сотрудника здесь, Владимира Паулиновича Гартмана (Лесной гор<одок>, Парголовский пр<оспект>, 47), я обратился в Комитет имени Е. П. Пешковой с просьбой поддержать мое (приложенное к заявлению) ходатайство пред Главным начальником милиции СССР о выдаче мне паспорта на жительство в Ленинграде в качестве иждивенца у своих детей, по вниманию к моей старческой дряхлости (мне 66 лет) и болезненному состоянию (я — инвалид 2 гр<уппы> по решению от 3/VII —

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 933. С. 36-37.

1933 года Особой Комиссии при Яренском ОГПУ), к моей полезной службе на месте ссылки (отзывы Ленского Рай<онного> з<емельного> о<тдела> Сель<ско>хоз<яйственного> сектора при Леспромхозе), к моей нетрудоспособности и к постоянному, с 1892 года, проживанию в городе Ленинграде. Комитет вошел в мое положение и снизошел к моей просьбе. От 2 янв<аря> 1934 года за № 9013 я имел счастье получить, за подписью тов<арища> Винавера, уведомление: "В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, В<аше> ходатайство обещано удовлетворить". Моей радости и благодарности Комитету и подписавшему приведенные строки не было границ. 1 февраля 1934 года я был вызван на площадь Урицкого, д<ом> 8, к<абинет> 172, где мне объявили что "Главным начальником милиции СССР мне разрешено проживание в Ленинграде с выдачей паспорта на 3 года" и что "за получением паспорта я должен явиться в 6-е отделение милиции, куда препровождены все присланные по моему делу бумаги". А 4 февраля 1934 года из названного отделения мне был выдан паспорт за № 373535 сроком по 4 февраля текущего 1937 года. Таким образом, препятствовавшая прописке на место жительства в Ленинграде дополнительно приданная статье 58-й сила в отношении ко мне была устранена высшим органом милиции, ее Главным начальником и самим Лен<инградским> Обл<астным> Управлением Милиции, распорядившимся о выдаче мне паспорта.

В течение двух лет — 1934-го и 1935-го годов — я жил в Ленинграде спокойно. Но в начале 1936 года началась кампания по выдаче новых паспортов. Мой паспорт обмену не подлежал, так как до истечения его срока оставался еще один год. Тем не менее, меня пригласили в 6-е Отделение Милиции, где 4/III пом<ощник> нач<альника> пасп<ортного> ст<ола> т<оварищ> Быстров взял мой паспорт и предложил подписать "извещение" о том, что мне "проживание в Ленинграде не разрешено", т<ак> к<ак> я не имею избир<ательных> прав, как бывший, хотя бы и до Революции только, священник, и что, подобно другим лишенцам, хотя бы и не по суду, должен выехать на 101-ю версту, что я и сделал, так как новое препятствие в виде звания "лишенец" отнимало у меня надежду на какое-либо внимание и снисхождение. В настоящее время, в связи с утверждением новой Конституции, по словам т<оварища> Молотова, "всем гражданам предоставляются равные права". Милостию Правительства и Партии и я уже не лишенец. Поэтому мой иждивитель-сын обратился в Обл<астное> Управление Лен<инградской> Милиции с просьбой прописать меня на жительство в Ленинграде на прежних основаниях, т<о> е<сть> в качестве его иждивенца. Но новые сотрудники милиции снова указали на ст<атью> 58-11, как на препятствие для прописки, а пом<ощник> Обл<астного> прокурора т<оварищ> Стреналовский на поданное ему заявление, прилагаемым при сем, письменным — от 5/1 сего года № 28, сообщением, что "действия милиции по отказу в прописке Вашему отцу В.П. Афанасьеву, судившемуся в 1930 году по статье 58-11, Лен<инградская> Обл<астная> Прокуратура находит правильными, а потому жалобу Вашу оставляет без удовлетворения".

Но: 1). Ужели действия Главного Начальника Милиции СССР и самого Областного Управления Лен<инградской> Милиции в 1934 году при выдаче мне паспорта были неправильными, ошибочными, не отвечающими революционной законности? Допустить эту мысль значило бы умалять авторитет и Главного Начальника и Обл<астного> Управления Лен<инградской> милиции, которые располагали всеми обо мне сведениями.

2). Со времени получения паспорта я не совершил никакого проступка и не был замечен в чем-либо предосудительном. За что же отнимается у меня оказанная мне в 1934 году милость и снова выдвигается ст<атья> 58-11,

которая как препятствие для прописки, устранена была три года тому назад, по ходатайству Комитета им<ени> Е<катерины> П<авлов>ны П<ешковой>, Высшею Властью самой Милиции?

3). В 1930 году, по окончании известного Рамзинского процесса, Верховная Власть, даруя помилование подсудимым, объявила во всеобщее сведение, что она "не мстит" за преступления, а только ищет исправления и раскаяния в совершенном проступке. Между тем, в моем случае допускается нечто, идущее в разрез с этим гуманнейшим правительственным заявлением. Положенное наказание я отбыл; на месте ссылки служил в Сов<етских> учреждениях — добросовестно, как видно из прилагаемых справок. За что же налагается дополнительное наказание и притом, бес-срочное, на веки вечные; наказание, осуждающее старика-инвалида 2 группы на скитание вдали от семьи до самой смерти? Как согласить это и с правилами о прописке, вывешенными во всех отделениях милиции, одно из которых говорит: "прописке на постоянное проживание в Ленинграде подлежат нетрудоспособные родители, прибывающие на иждивение своих трудоспособных детей"! Без каких-либо изъятий по поводу судимости по той или другой статье УК. Конечно, статья 58 Уголовного Кодекса — статья весьма серьезная. Но поскольку дело касается меня, считаю долгом объяснить следующее. В 1930 году я был судим по этой статье за ошибочный шаг, но не близкий к этому году, а отстоящий от него назад на 12 лет, т<о> е<сть> относящийся к 1918 году. Самый же этот шаг состоял не в каком-то вредительстве, агитации, шпионаже и т<ому> п<одобное>, а (как это значит в обвинит<ельном> приговоре) только: а). "в пассивном" подписании, пред разлукою с сослуживцами б<ывшего> Конст<антиновского> Артил<лерийского> Училища, прощальной грамоты-письма, в котором выражалась скорбь по случаю упразднения родного гнезда и б). в получении на память о месте бывшей службы жетона-кольца. Надобно при этом иметь в виду, что как грамота, так и кольцо были результатом того предположения, что Советская власть не оставит никого из прежнего состава у себя на службе, так что всем предстоит мрачное будущее. Но когда Власть предложила помочь ей в устройении на месте бывшего, нового рассадника военной науки (сначала 2-х Советских Артиллерийских Курсов, а потом 1-й Артиллерийской школы), все с радостью приняли это предложение. В числе их и я, по приглашению Комиссаров Г<лавног> У<правления> ВУЗ<ов> (т<оварищей> Дзевалтовского и Джиния), в течении 3½ л<ет> — с 1/III-1918 г<ода> по 1/IX-1921 г<ода> занимал две должности: преподавателя русск<ого> языка и делопроизводителя учебной канцелярии, удостоиваясь за особые труды награждения от Г<лавног> У<правления> ВУЗ<ов> одеждою и продуктами. Уволился, согласно заявлению, только по слабости здоровья. Думается, что изложенное не может не служить обстоятельством, заглаживающим мой, давно прошед-ший указанный шаг, тем более, что и по уходу из арт<иллерийской> школы я, пока было можно, служил в Сов<етских> учреждениях. В общем — имею 5 л<ет> Сов<етской> службы.

Как я уже сказал вначале заявления, Комитет имени Е. П. Пешковой три года тому назад оказал мне величайшее благодеяние. Своим заступничеством и покровительством он исходатайствовал мне право на проживание в Ленинграде в качестве иждивенца своих детей (ныне: сына — инженера-электрика и дочери — врача-ассистента). Поэтому и в настоящий раз я обращаюсь за помощью к Комитету; я прошу продолжить оказанное мне покровительство; я прошу отстоять, защитить то, что даровано было мне, благодаря вниманию и ходатайству Комитета. Мое личное дело связывается в настоящем случае с делом как бы самого Комитета. В том, что я изложил, нет ни одного слова неправды. Но сердечного, участливого отношения к этой правде, доброго к ней внимания, а затем и распоряжения

сделать из нее соответствующие выводы, я надеюсь достигнуть лишь при помощи Комитета. Так было три года тому назад. Не иначе обстоит дело и в настоящее время. И по возрасту, и по состоянию здоровья, я — человек, более чем одной ногою стоящий на краю могилы. У меня одно желание: остаток дней провести в кругу своей семьи и умереть на ее руках.

Поэтому, принося безграничную благодарность Комитету за прошлое, я, во имя милости и правды и как принятый в свое время под покровительство Комитета, очень прошу помочь мне и в настоящем положении, а именно: исходатайствовать у Главного Начальника Милиции СССР подтверждения данного мне разрешения — в 1934 году — на жительство и прописку в Ленинграде. О последующем же — не отказать в уведомлении, на какое прилагаю почтовую марку, по адресу: Ленинград I, улица Плеханова, дом № 1, кв<артира> 4, Ивану Владим<ировичу> Афанасьеву (мой сын-иждивитель). Сам я жит<ель> на ст<анции> Оредеж, Витеб-<ской> ж<елезной> д<ороги>, поселок Оредеж, дом Ефимова, но почта доставляется не всегда исправно и, кроме того, нет уверенности, что буду жить на этой квартире.

При этом прилагаю документы, числом 6, о своей службе и инвалидности. Они не заверены нотариально, п<отому> ч<то> в 1933 году в декабре таковые — заверенные — были уже представлены в Комитет. И затем — все они заверенные имеются также в деле в Л<енинградском> Обл<астаном> Упр<авлении> Милиции № 37631, пасп<ортный> отдел, комн<ата> 172. В случае же надобности — без замедления вышлю и заверенные.

Гражд<анин> Владимир Павлович Афанасьев.

Января 12 дня 1937 года»³.

Осенью 1937 — Владимир Павлович Афанасьев вновь просил помощи Помполита⁴. С июля 1941 — служил в Смоленском кафедральном соборе; с сентября 1943 — в Ново-Борисовской церкви города Борисов; с июля по октябрь 1944 — в Гродно; с октября по декабрь 1944 — настоятель Минской Петропавловской церкви. 21 декабря 1944 — арестован, 7 июля 1945 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Искитимский, позднее — Венгеровский район Новосибирской области. 23 декабря 1949 — освобожден из ссылки⁵.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1624. С. 20-22. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1631. С. 128.

⁵ Белое духовенство. ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?4_8862...